

«НИКОГДА НЕ ЖАЛЕЙ НИКОГО»

100 лет со дня рождения и 61 год со дня
гибели Николая Олейникова

Независимая газета, -1998. - 23 июля, -с. 9

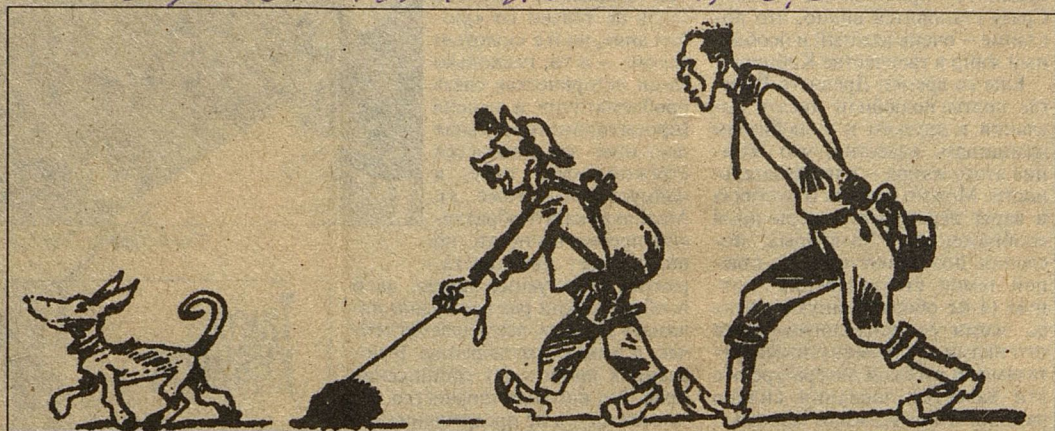
Александр Вознесенский

НАМ НЕИЗВЕСТНО точно — до дня, да и сам он не знал наверное, когда родился. Считается — в августе 1898-го. Сто лет назад. Потомственный казак родом из донской станицы, участвовал в гражданке, с юных лет работал в журналистике, сначала в Донбассе, потом — с 1924—25-го года появился в Питере, где редактировал несколько детских журналов — «Еж», «Чиж», «Сверчок»... Детский писатель, единственный среди друзей член ВКП(б) — революционное прошлое! Прозаические его вещи кажутся сегодня архаичными — рассказы о том, «как красные победили белых». А поэзия рассчитана на ценителя — и на века.

Сам «не вполне» обэриут, точнее, формально не входивший в ОБЭРИУ, Николай Макарович Олейников был близок с Хармсом, Введенским, Друскиным, Липавским, с кругом их друзей — Заболоцким, Маршаком, Житковым. С остроумцем Евгением Шварцем знаком еще по Донбассу... Только перечисление имен — лучшие голоса эпохи! То ли узок был круг этих людей, то ли сама среда двадцатых была гораздо талантливее сегодняшней, то ли мало еще, несмотря на все ужасы войны и революции, людей было уничтожено — но власть скоро навестила «свое»...

Олейников, без сомнения, первый среди равных в этом литературном кругу. Талантлив, красив, ярко, непредсказуемо умен. Известна дружеская эпиграмма, Маршака, блестящая чудной составной рифмой — и относящаяся вовсе не к «кровожадности» текстов, но к остроте мышления (и слова) поэта: *Берегись Николая Олейникова, Чей девиз: никогда не жалей никого.*

А не жалел он прежде всего самого себя. Отмечено, что Николаю

Шарж А.Успенского на Олейникова (с ежом на поводке) и Хармса (без ежа) в детском журнале «Еж» (1929, № 6)

Макаровичу были присущи некоторая неуверенность, сомнения в значимости своих поэтических открытий: да и сейчас еще многие относятся к его поэтике свысока — не так, как к «элитарным» Хармсу или Введенскому. Он, как и всякий пишущий, просто чуть более явно, чем другие, сомневался в себе, не зная, чем поверить свое абсолютно свежее и ни с чем не сравнимое. Друзья ценили его стихи. Литературовед Лидия Яковлевна Гинзбург сказала как-то: «Я люблю ваши стихи больше стихов Заболоцкого. Вы расшиблись в лепешку ради того, чтобы зазвучало какое-то слово... А он не расшибся». «Я только для того и пишу, чтобы оно зазвучало», — отвечал Олейников. Хармс писал в дневнике в конце 1932 года: «...шел с Олейниковым пешком. Он не верит, что я считаю его хорошим поэтом».

Он и все они были удивительно остроумными, живыми и жаждавшими жизни людьми. Нет ничего более органичного для круга обэриутов и их друзей, чем эпиграммы, остроты, шутки. Вот запись Олейникова в альбом известной актрисы Рины Зеленой — под названием «Правила хорошего то-

на для гостей Рины»: «Берите вилку в руку левую, / А нож берите в руку правую. / За стол садясь рядом с девою, / Не жмите ног ее ногой ко-р-явою». Легко — на одном дыхании...

Его взяли в 1937-м — как «японского шпиона»: дружил с заведующим японским отделом Эрмитажа... Вскоре — в том же 37-м — расстреляли. В тюрьме ему исполнилось 39. Что это значит — идти под расстрел в расцвете жизненных сил, таланта и, может быть, только в преддверии судьбы, славы, большой литературы?

Но и после он жил в памяти друзей. Когда спустя несколько лет, с началом войны, арестовали Хармса, Т.А. Липавская писала Введенским в Харьков: «Данила Ивановича я давно не видела, он еще 23-го августа уехал к Николаю Макаровичу». Это значило — туда, откуда не возвращаются. Так, Введенский — под «паролем» Олейникова — незадолго до своего ареста (27 августа 1941 года) — узнал об аресте еще одного друга.

«Если птичке хвост отрезать — / Она только запоет. / Если сердце перерезать — / Обязательно умрет».

От Олейникова остался неболь-

шой томик стихов. Рукописи из архива Даниила Ивановича Хармса, отдельные автографы в частных архивах любителей литературы. Что-то сохранила память вдовы — Ларисы Александровны Олейниковой. Тексты Олейникова ведь удивительно запоминаются!

Жизнь прервана — но поэтическая судьба Николая Олейникова не оборвалась с его смертью. Стихи широко ходили в списках — и в 30-е, и в 40-е, и в 60-е. Была и при-

жизненная публикация «взрослых» произведений — единственная, в 1934 году, в «тонком» литературном журнале «Тридцать дней». Три стихотворения: «Хвала изобретателям», «Муха» и «О нулях». Потом в официальной печати — только с конца 50-х, когда в «Дне поэзии» появился «Таракан» — пародийная вещь, «по следам» капитана Лебядкина: «Таракан сидит в стакане, / Ножку рыжую со-сет. / Он попался. Он в капкане. / И теперь он казни ждет».

В прилагаемой коротенькой библиографии — вышедшие книги Олейникова. С тех пор ничего не выходило — исключая несколько журнальных публикаций (например, в альманахе «Круг чтения»). Несколько лет назад литературовед Владимир Глоцер вместе с художником Леонидом Тишковым и дизайнером Сергеем Стуловым подготовили наиболее полный, текстологически выверенный, прекрасно иллюстрированный сборник Олейникова «Я красив, я брезглив, я нахален». Издателя пока не нашлось. А жал — вроде бы мы так недалеко во времени отстоим от 30-х... Но это — уже классика:

*Жареная рыбка,
Маленький карась,
Где ж ваша улыбка,
Что была вчера?*

Книги Н.Олейникова:
Стихотворения. Сост. Л.Флейшман. — Бремен, 1975 (ротапринтное издание).

Иронические стихи. Сост. Л.Лосев. — Нью-Йорк: «Серебряный век», 1982.

Перемена фамилии. Сост. В.Глоцер. — М.: Правда, 1988 («Библиотека «Крокодила»).

Я мужу безумно любил. Сост. В.Глоцер. — М.: Прометей, МГПИ им. Ленина, 1990.

Пучина страстей. Сост. В.Глоцер. — М.: Прометей, МГПИ им. Ленина, 1990.

Пучина страстей. Сост. А.Олейников. — Л.: Советский писатель, 1990.